

Ольга Краузе

ХАРЬКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Стихи 2011–2018 гг.

Ольга Краузе
Харьковская тетрадь.
Стихи 2011–2018 гг.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25558139

ISBN 9785448564048

Аннотация

Название книги дал город, в котором писались эти совершенно разные стихи про море и родной Питер, про мои искания и скитания, и про этот самый город, который приютил меня.

Содержание

Озарение	7
Последний полёт	7
Притяжение Земли	9
Социология	11
За оградой	12
Известным и неизвестным поэтам	14
Бродяга	16
Попутное	18
Догадка	19
Восхождение	20
Символ веры	22
Смятение	23
За курганом	24
Мудрец	26
Шут	27
Ретро	29
Толкование	31
О дружбе	33
Дама	34
Коля	36
Подстилка	38
Камень	39
Тёмная лошадка	40

Reinkarnatio	41
Печальная птица	43
Дорога	44
Приступ	45
Озарение	47
В доме писателей	48
Ночной экспресс	50
На свист	51
Погружение	53
Глухая бухта	53
На дне	55
Розовый остров	57
Сизокрыла	59
Семечки	61
Зимовье	62
Спасение	64
Побег	65
Реликвия	67
Vita sensus	68
Погружение	69
Блуждающий фрегат	71
Провал	73
Русалка	75
Под вино	77
Роза в бренди	77
Змея	79

Шляпа
Конец ознакомительного фрагмента.

81

82

Харьковская тетрадь Стихи 2011—2018 гг.

Ольга Краузе

© Ольга Краузе, 2018

ISBN 978-5-4485-6404-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Озарение

Последний полёт

Пролетая фанерой над городом имени той,
у которой не стоит молить, бесполезно молиться.
Ее так замусолил ханжа и загадили птицы,
что она уже просто никак не сравнится с тобой.

Пролетая, над всем, что талдычили нам в букварях,
звонким посвистом ветра сорвав дымовую завесу,
я рвану среди ночи на Лысую Гору, за лесом,
чтоб прозреть, осознать, пока снова не вспыхнет заря.

Чтоб прозреть-осознать, в полнолуние, в мерцании звезд
все не так уж и плохо без яркого света земного.
Много ль надо одной на дороге, и стоит ли снова
эту жизнь начинать и скрипеть, пусть цыганский обоз

тарахтит, спотыкаясь по старым булыжникам в такт
бубну, звонким монистам и песне горланно-вороньей.
Я в последнем полете, наверно, тебя и не вспомню,
мне в последнем полете все будет не тут и не так.

Мне в последнем полете на палец наденут ключи

и укажут на дверь, за которой иные просторы.
И зачем вспоминать, чьим там именем назван был город?
Лучше мимо промчать, промолчать, пока вечность
звучит.

10.10.2011

Притяженье Земли

Брошено в грязь при дороге зерно,
всходы затопчут не сразу.
Тропка вилась над обрывом в кино,
летчик вернулся на базу.

Здравствуй, пилот, где же твой самолет?
Как ты сумел приземлиться?
Что ж ты молчишь, мой отважный пилот?
– Больно быть сбитою птицей.

Больно терять боевого коня,
больно вдвойне обескрылеть.
В сущности жизнь, так – пустая возня,
вонь и грызня... Не осилить

нам никогда притяженье Земли.
Втоптано в грязь устремленье.
Ах, как прекрасна Отчизна вдали,
сладко над нею паренье.

Вот и в кино, как его ни крути,
правда не так безобразна.
Только бы крылья скорей обрести,
чтобы продолжился праздник

Падало в грязь при дороге зерно,
с тихой мечтой возродиться.
Мне бы забыться несбыточным сном
и на заре пробудиться

в ярком сиянии взлетных огней...
Господи, что тебе стоит?
Мама моя, помолись обо мне
там, среди вечности стоя.

10.10.2011

Социология

Когда ты велик и богат, кто тебе скажет правду?
Убожество нищих с дворцовых высот не видать.
Когда ты убог и ничтожен, одна благодать —
ты волен в судьбе и ты не одинок. Пой и радуй

таких же, как ты и над пышным величием смейся.
Пусть важные глотки друг другу грызут, есть за что.
Тебя если смоеет Великой Истории Шторм —
ты жил, как хотел и гудели железные рельсы.

И поезд один, только ты не в закрытом эС Вэ,
а дружно в дешевом плацкарте, в душевной беседе...
Мы все с одинаковой скоростью движемся, едем.
И небо одно, и верста, и Отчизна, и век.

17.10.2011

За оградой

В роще, за кладбищенской оградой,
Где могилы двух самоубийц,
Веет тишиною и прохладой.
И в беспечном щебетанье птиц

Здесь такой покой, что даже ветер
Не посмеет листьями шуметь.
Только луч сквозь сито частых веток
Рассыпает золото и медь.

Пафосных речей никто не скажет,
среди чертополоха мирно мне.
Ни крестов, ни розочек бумажных,
пьянки и поминки в стороне.

Здесь, в бурьяне, хорошо забыться,
опуститься на колени и
тихо плакать, плакать и молиться
никому, а просто лбом о пни.

Вспомнив детства призрачную мессу
тайнства печали ни о чем
в роще, как в глуши ночного леса,
за студеным змейкою ручьем

тростниковой дудки стон и звоны,
что гудел мне старый медный таз.
Память, вынув из глубин бездонных,
развернула свой иконостас

чередой родных когда-то лиц.
В роще, за кладбищенской оградой,
где могилы двух самоубийц,
третья вырыта, но мне туда не надо.

21.10.2011

Известным и безвестным поэтам

Кто на дудочке играл
под зеленым одеялом?
Я тебя не потеряла,
ты меня не потерял.

Просто в разных городах,
разных странах и столетьях
мы одной Вселенной дети
из под разных одеял.

Мы бессмысленно живем,
безответственно щебечем,
закусить, порою, нечем,
но коры земной излом

нашим словом напророчен.
Только кто услышит нас?
Твой вулкан уже погас.
Мой в преддверие клокочет.

Мы горели на кострах,
нам свинец горячий в глотку
заливали. Но ни подкуп,
ни хула, ни смерти страх

не могли молчать заставить
тех, кто словом обречен
жить, дышать, свое плечо
над чужой бедой подставить.

Не иссякнет слов поток
струнный звон и бой тамтамов.
Мы из племени шаманов.
Брат мой, ты не одинок.

24.10.2011

Бродяга

Когда-то давно по дороге, ведущей из дома,
куда-то туда, где я так еще и не бывала,
какая-то сила меня повела и я знала,
что больше уже не смогу жить никак по-другому.

Какая-то сила лишила на веки покоя
и доля бродяжья судьбой моей распорядилась,
тянулась дорога и жизнь беспокойная длилась,
и песня струилась из сердца строка за строкою.

Я шла без оглядки на все, что в дороге теряла.
Ведь там, впереди, что-то новое приобреталось.
А если дорога в лесах и болотах кончалась,
я не унывала и новую тропку искала.

Я знала, что даже глухую звериной тропкою
однажды я выйду на трассу и сяду в автобус.
Земля это просто огромный вертящийся глобус.
И если на ней не сидеть, не лежать, то легко я

спою эту песню и вы не устанете слушать.
Поскольку ни кто из вас там не бывал, привирая,
скользну синусоидой, чтоб извиваясь кривая
сплетала сюжет, задевая и радуя душу.

23.10.2011

Попутное

Когда мой поезд подойдет
к последней станции... Послушай,
чьи планы я тогда разрушу
кому тогда лицо мое

в безжизненном успокоении
придется гримом украшать?
Умелец, пьяница, левша
он если даже и колени

слегка согнет передо мной,
так только, чтоб поправить складки
у кружев савана, украдкой
снять с пальца перстень золотой,

который мама подарила,
а я в шалмане пропила.
Я ехала, а ты ждала,
и сидя у окна курила.

Я ехала опять домой
туда, где дом как будто мой.

26.10.2011

Догадка

Стоять и кричать на просторе,
и слушать, как эхо разносит
твой голос все дальше и дальше.
Так важно, так необходимо,
как воздух, как хлеб, как улыбка
от первого встречного,
мимо идущего.
Может все это и есть смысл жизни?

За гранью вселенной,
в неведомой нам планетарной системе,
какой-то придурок
вот так же стоит и орет ни о чем, глядя в небо.

И твой с ним дуэт
кому-то диктует волшебную песню.
Кто знает – откуда к нам песни приходят?
Наверно оттуда.

30.01.2012

Восхождение

Катит в гору поклажу ишак.
Солнце жжет, кнут погонщика хлещет.
Но с горы ветер добрый и вещей
шепчет в уши. И знает душа,

что далёко, на этой горе
будет стойло и полная торба
отрубей. А покуда арба
трахтит... Но к вечерней заре

он ее непременно дотащит
и напьется воды ключевой.
Жизнь – оглобли и в ней ничего
не бывает задаром. Уставший

тощий, старый, голодный ишак
это знает, молчит и не ропщет.
Скоро будет тенистая роща
альча в роще той хороша.

Ноги сами пойдут скоро-скоро.
и погонщик отложит свой кнут.
И, когда все в округе уснут
Он её покорит, эту гору.

15.03.12

Символ веры

С седою мордой старый пес глухой, слепой,
при нашем доме сторож никудышный —
он еле ходит, много спит и громко дышит,
но он не лишний. Он для нас с тобой

как символ веры в преданность друзей —
не святочных, а в нищете и бедах.

Кто до конца был с нами, кто не предал,
а те кто нынче в уши льет елей,

когда мы снова в славе и чести —
пусть лебезят, мы знаем славы цену.
Спит верный пес, не ведая измены,
под мордой лапы дряхлые скрестив.

21.05.2012

Смятение

Ночь накрыла душным одеялом
Тихий двор, беседку с голубятней,
Птица неизвестная кричала
Все гортаней, злей и не понятней.

И гроза далекой канонадой
Медленно на город надвигалась,
И в глотке холодном лимонадном
Чувствовалась или так казалась

Горечь не свершившегося чуда,
И вина за то, что не сумела
Я его свершить. Стальной кольчугой,
Что блестит, начищенная мелом,

Где-то глубоко в моем сознание
Все еще сияла вера будто
Час пробьет, и день такой настанет —
Я проснусь однажды рано утром...

Что я маюсь? Где я? Как я? Кто я?
— это просто ночь перед грозой.

21.05.2012

За курганом

Белые лилии в черной запруде затона,
Там, возле устья реки, за широкой косой.
Тихо качаются в ночь от подводного звона
Храмов затопленных, а на горе колесо

Мерно скрипит или это варган мой гундосит,
Дудка шаманская и скоморошья свирель.
Или от ветра шумят, созревая колосья,
Неумолимая домры печальная трель.

Там, где курганы, седые ковыльные степи,
Станции с бабками, спелый черешневый дух
Отматерится душа и уймется, и стерпит,
Выю подставит и снова впряжется за двух.

Вот она, вся нараспашку, двужильна, всесильна
Русо-калмыцко-татаро-башкирская мать.
Ведьмою, белой русалкой плутает меж лилий
Мне б изловчиться и взгляд ее жгучий поймать.

Мне бы хоть каплю того первородного духа,
Что сквозь века сохранилась от всадниц лихих.
Издалека узнаю я, по смеху, со слуха
Звонкую южно-уральскую вольницу в них.

05.06.2012

Мудрец

Мудрец, что нашил ты своим умом?
В богатом убранстве, в коврах роскошный дом?
Набитый золотом сундук? Высокий чин?
Мудрец, чему ты можешь научить?

– Мой дом – дорога, а богатство – целый Мир.
Мой чин – бродяга вольный я. Никто
не позавидует. Оторванный листок
от дерева под ветром и дождем.
От самого рожденья мы идем
путями разными. Вот мудрости секрет:
Как ни старайся, а в гробу карманов нет.
Не нужен там ни золотой, ни медный грош.
Все, что ты здесь усердно наживешь,
посеяв меж наследников раздор,
все шелуха, бездушный хлам и сор.

Останется лишь память о тебе,
тебе самом и то, каким ты был:
Как жил, с кем пил, с кем хлеб и кров делил,
кому помог, кого за что простил,
какую роль сыграл в чужой судьбе,
останется лишь память о тебе.

Шут

Забавный и чертовски милый,
наивный, странный арлекин.
О как печален ты без грима,
как плачешь ты, когда один.

В твоей каморке скудный ужин.
Дождь по карнизу болеро
выстукивает, будто служит
в оркестре бубном. В рюмке ром

последней каплей не утешит,
но может в сердце боль уймет.
Ведь ты давным-давно безгрешен.
Да разве ж публика поймет?

Кому сегодня интересно,
что ты усталый и больной?
Ты должен петь смешные песни.
Раз ты артист – иди и пой.

Пошире нарисуй ухмылку
и вытри мокрые глаза.
Колпак, бубенчик на затылке...
И покажи им голый зад.

Пусть будет публика в экстазе.
Они пришли сюда за тем.
Художник ярких безобразий,
ты не себя при всех раздел.

Под громкий смех, при ярком свете
ты душу в панцирь заковал.
А зритель даже не заметил,
как сам сегодня низко пал.

06.12.2012

Ретро

В немом кино столетней давности,
в банальной сцене о любви,
ты этот кадр останови,
где наш герой уже почти достиг

момента, когда плачут зрители.
Вернее, плакали тогда.
Сегодня это ерунда.
И несогласные родители

уже прервать не смогут ход
романа или просто повести.
А эти угрызенья совести
наш зритель вовсе не поймет.

В такой переоценке ценностей
наивен классик и смешон.
Чего сказать хотел здесь он,
дойдя до нашей современности?

И почему, в минуты слабости,
когда я выхода не знаю —
все время кадры вспоминаю
из фильма той столетней давности?

02.02.2013

Толкование

Я постучала. В ответ – открыто.
Открыто – не заперто. Я вошла.
Старуха, гундося под нос сердито
ворча, из печи выгребала шлак.

Строчил пулеметом на тумбе Zinger,
чтоб в нужную вещь превратилась дрянь.
Над печкою шторка на толстой резинке,
на тусклом, немытом окне герань.

Ну, здравствуй! – кивнул мне старик, не вставая,
не переставая крутить колесо.

– Да, вот пришла я узнать, что не знаю.
Пусть баба твоя растолкует мой сон.

– Зачем в толковании сна ты ищешь
ответы? не проще ли дальше спать?
А впрочем, для нас-то, убогих и нищих,
твое желание благодать.

И вот разложила старуха карты,
а там шестерка, туз и валет.
Опять проводник прокричал и куда-то
пропали карты. Седой рассвет

забресжил. И снова я не узнала
что означала во сне змея.

И снова поезд на три вокзала
из Петербурга довез меня.

Мечусь между белой и черной ночью.
Душа заплутала в кибитке стылой,
где печь выскребают и Zinger строчит
из крайней, заросшей бурьяном могилы.

20.03.2013

О дружбе

А когда было проще? Да когда-то было.
Упустила я тот момент, упустила.

Распылила силы в гульбе с друзьями.
Ну и где они? Кто не здесь, кто в яме,

кто на дне таком, что мороз по коже,
кто уже не друг. Даже не похоже,

что когда-то был самым верным другом,
а сегодня мимо, и не то, чтоб руку

протянуть – кивнуть, подмигнуть не сможет.
И ему я больше не подруга тоже.

Нас ломала доля, нас меняло время.
В сердце нет досады. В дружеской измене

кроется знаменье нынешней эпохи.
Память прошлой жизни собирает крохи,

чтоб опохмелиться от того веселья
дружного, шального, пьяного безделья.

25.11.20.13

Дама

Эта дама с собачкой нечеховского разлива
в нашей рюмочной ошивается
постоянно.

И в стакане ее портвейн не кончается —
дама пьет красиво,
по глоточку-капельке, не спеша.

Далеко не свежая,
но по своему хороша.

Даже последний пьяница
при ней материться не смеет.

Все пытаются
умные разговоры вести
про артистов кино, а еще стихи
ей читают разные.

Вы мне не верите?

И напрасно.

Вы зайдите сами сюда под вечер.
Здесь, в дыму забвения душу лечат
и свою беспомощность утешают
бывшие полковники,
герои-любовники...

Жизнь большая

то ли была, то ли мимо прошла.

А собачка? А что собачка —

маленькая сучка непонятной породы,
скромно угощается колбасной шкуркой,
загадочно молчит, как и ее хозяйка.

Правда, злые языки пустили коварный слух,
будто дама отродясь глухонемая
и пол жизни провела в городском дурдоме.
Но буфетчица Тоня
утверждает, что если бы не эта дама,
у нас бы давно был шалман и притон.
А так, приличное заведение.

05.04.2015

Коля

Мы говорим не то, что думаем,
думаем не то, что подразумеваем,
а делаем, как прикажут,
а не то, что хотели бы делать.
Так уж устроен мир нормальных людей.
Вот, и кто тем укладом доволен?

Но живет во дворе у нас Коля —
тихий такой дурачок.
Верит каждому слову буквально,
улыбается ни о чем,
со всеми здороваётся за руку.
Руки его теплые, мягкие. Естественно
переживает за всех.
Обидеть такого паскудный грех.
И мы уж, как можем,
при нем хорошими быть стараемся,
чтобы Коля зря не расстраивался.

А Коля опять заболел —
врожденный порок сердца,
слабый иммунитет и другие
сопутствующие диагнозы.
Его мама, дворничиха Егоровна,
умаялась с ним вконец.

И мы притихли.

Страшно Колю-то потерять.

Ходим на цыпочках, шепчемся:

«Вы слышали? – Коля-то болен.»

Куда нам, таким, без Коли?

Как бы не скурвиться окончательно...

08.04.2015

Подстилка

Ни платочка, ни колечка,
ни цветочка за любовь
вышел утром, отряхнулся,
как в уборную сходил.

Ну, не принц и не на белом,
и совсем не на коне.
Просто так, с тобою путался,
в замужество не звал.

Васькиной тебя подстилкою
считали за глаза.

А когда ты окочурилась
на фабрике своей,

Васька взял, да и повесился
в сарае, в том углу,
где впервой тебя, по пьяне,
грубой силой завалил.

30.05.2015

Камень

Нервы на грани, когда под ногами
громко и грузно хрустит серый гравий.

Ты, хоть ослепни, старанья напрасны —
гравий тот серый, он серый, не красный.

Серый подходит всему полумерой.
В разных цветах сочетается серый.

Только душе моей ближе, сродни
темно-бордовый и красный гранит,

с черным вкраплением, почти однородный.
я выбираю камень надгробный,

где остается только отметить
имя и даты рожденья и смерти.

И пробудиться от содроганья,
чтоб не узнать – для кого этот камень.

26.07.2015

Тёмная лошадка

На эту лошадь ни кто не ставил.
Экстерьером не вышла
и порода сомнительная.
Не похожа такая на победителя.
И, когда фавориты ей проиграли,
все кричали, что это афера,
что в следующем забеге
она непременно рухнет,
не сделав и полукруга.
И снова все просчитались.

Украденная мальчишкой
со скотобойни кляча
бежала, летела, мчала,
навстречу жизни, в начало
судьбы своей ранней, юной,
когда жаркой ночью лунной
паслась в табуне беспородном,
в полях, за колбасным заводом.

25.08.2015

Reinkarnatio

В длинной жизни толку мало,
светотени полумрак.
Где-то я не рассчитала,
что-то сделала не так.

Набело не перепишешь,
все сначала не сыграть.
Вот бы глубже, в чем-то выше...
Тише, блажь не благодать.

Не оценит благодати
неуемная душа.
Сколько дашь ей, все растратит,
не накопит ни гроша.

Но свербят шальные мысли,
будоражат мозг опять:
Мне б в лесу зарыться в листья
и всю зиму там проспать.

А весной проснуться новой,
да не то, чтоб молодой.
Молодою-бестолковой
я была уже. Другой,

беззаботной и крылатой.
Слишком долго по земле
я плутала и куда-то
растеряла много лет.

Долго шла, а время скачет.
Надо крылья, чтобы впредь,
на остаток дней иначе,
отстраненнее смотреть.

29.10.2015

Печальная птица

Мелодия мне
до скончания снится,
от самого детства.
Верни мое сердце,
Печальная Птица,
верни мое сердце.

С тех пор, как ты тайну
гармонии слова открыла,
осыпав цветами,
тревожа забвенью могилы,

за флейтой твоей
босиком по камням и осколкам
бреду одержимо.
А сколько идти еще, сколько?

29.10.2015

Дорога

Если идти по дороге, то там, где конец,
может быть яма, тупик или чистое поле,
или ворота в загон для покорных овец,
или... Да, что там гадать? Ведь никто не неволит.
Просто иди, или так у дороги сиди,
жди. Где все кончится, здесь иль застанет в пути,
или в конце той дороги? Но хочется верить:
Там, далеко-далеко мне откроются двери,
я отряхну с себя старость, как пыль у порога,
чтобы бежать босиком своей новой дорогой.

20.06.2016

Приступ

В черной ночи

молчит

горечь-тоска.

В тисках

сердце сжимает страх.

Не подобрать ключи

и не нашарить дверь

выхода. Дикий зверь

мечется в западне

где-то, на самом дне

пропасти жизни всей.

В тоненькой полосе

горного ручейка,

тусклого ночника,

смотрит с небес звезда.

Луч ее опоздал,

искоркой подсветил,

точкой в конце пути

выдал прощальный знак.

Ладно, сойдет и так.

Так, под бездумный смех,

вдрызг проиграть судьбу,

чтоб на виду у всех

не возлежать в гробу.

11.11.2015

Озарение

Мой раздолбанный звездолет
дрейфует целую вечность
далеко, на краю вселенной.
Я там сплю и мне снится жизнь
здесь, на странной планете Земля,
где зачем-то так нужно выжить,
чтобы там, наконец, не проснуться
и заняться текущим ремонтом.
Надо физику подучить,
а не стихосложением бредить.

14.11.2015

В доме писателей

Молодые крикуны и выскочки
выпячивают себя напоказ,
старших ни во что не ставят.
И не возражайте мне, я-то знаю,
я сама такую была.

Сидели в Доме Писателей,
на Войного, ныне Шпалерной,
читали стихи по кругу,
под руководством куратора
отдела по чуткой работе,
или как мы шутили тогда,
по борьбе с молодыми авторами.

Там еще как-то с боку стола
примостилась какая-то тетка,
очень всех внимательно слушала
и курила свои папиросы,
головой в такт поэтам кивая.

Ей куратор через стол, так вежливо:
«Ольга Федоровна, может быть Вы
нам тут тоже прочтете что-нибудь?»

А она на него только цыкнула
и опять папиросы курит.

Вот, подумала я, приперлась тут,
не сидится ей в богадельне
заслуженных всяких деятелей,

будет нас в конце наставлять,
ради галочки в списке своем послужном.
А она, под конец, как-то тихо ушла.
Папиросы, наверное, кончились.
А сегодня все мы горазды
наперебой стучать себя в грудь,
заявляя гордо:
«А я, рядом сидела с ней!
Она головой мне кивала,
а я стихи ей читала,
стихи свои лично читала
не кому-нибудь там, а лично
Ольге Федоровне Берггольц!»

14.11.2015

Ночной экспресс

По стыкам стальным рельс
отгрохотал состав.
Эхом стонал лес
и замолчал устав.
Там, куда поезд шел,
Ждал его город большой,
ждал, суетился, не спал
с башнями старый вокзал,
с чаем горячим буфет,
с вазочкой полной конфет,
с музыкой громкой перрон.
Рявкал аккордеон,
весело поезд встречал.
Тот сухопутный причал
мне обещал покой
в городе том, с тобой
рядом, где теплый дом
жасмин и сирень под окном.
В кармане остались ключи.
Всего-то в вагон заскочить...
Поздно, тот поезд ушел.
Да мне и здесь хорошо.

24.10.2016

На свист

Чуть пальчиком помянут миражи,
мне выстелив дорогу под ногами
и выставит у той дороги камень
судьба, определяя рубежи.

И высечет на камне имена,
которым я когда-то изменила,
пока за миражами вдаль ходила,
отхлебывая горького вина

из фляги, что болталась на ремне
при каждом шаге, на бедре качаясь.
Какая песня ночью снилась мне?
Отцвел миндаль и созревала завязь.

И где-нибудь в кофейне, за углом
хозяйка гордо выставит бисквиты.
Там ставни розой чайною увиты
и веселятся гости за столом.

А я за этот угол не сверну.
Меня манит моя Fata Morgana.
С Луной иль Солнцем, поздно или рано
свистит мне ветер музыку одну.

Вот потому нигде покоя нет.
Иду на свист бродячею собакой
туда, где дождь по лужам пел и плакал,
где среди туч есть маленький просвет,

в котором затерялся самолет
серебряною точкой с белым шлейфом.
Безумный свист простуженною флейтой
меня куда-то манит и зовет.

22.10.2011

Погружение

Глухая бухта

Солнце не светит, не греет луна.
Причалъ ко мне, лоцман – достанем до дна.

На винт намотало, в отсеках капель.
Ты поздно явился, я села на мель.

Баркасам и шлюпкам закрыла проход.
Здесь я зазимую, работы на год

мне хватит, чтоб снова в фарватер попастьь.
Ах, в гавани паника? Что за напасть!

Я график срываю. Я всех подвела.
Ты думал, что я закушу удила,

в бурлацкую лямку покорно впрягусь,
как вся наша многострадальная Русь?

А кстати, про Русь, где-то здесь говорят
вчера затонул иностранный моряк

И, якобы, он затонул неспроста —
русалки его щекотали в кустах.

И ты, говорят, здесь застрял не вчера,
хотя ваша бухта такая дыра...

Но ты бросил свет и жену, и детей,
чтоб прочно осесть в этой дохлой черте.

Послушай, мой лоцман, я тоже хочу,
а то я давно ни с чего не торчу,

Меня не цепляет ни ганжа, ни ром.
Шепни по знакомству русалкам о том.

Я сброшу балласт, с этой мели снимусь.
Пусть только они позовут меня, пусть.

И где-то в районе Бермудов тогда
я кану, уйду, пропаду навсегда.

23.09.2011

На дне

Когда я однажды лягу на дно,
задраив люки, тогда
без суеты, только мне одной
пошли, Господь, благодать.

Побольше красок, рулон холста,
кистей навяжу сама.
И пса бездомного, без хвоста,
чтоб я не сошла с ума.

Чтоб там, на дне, вспоминая Мир,
я бредила красотой
всех муз манящих, звенящих лир,
чарующих... И ни кто

не смог бы чудо разоблачить,
и показать, как есть.
Какой дурак наточил мечи
и за какую честь

лежать убитым в сырой траве
бред кровью смывать пятно!
А в Черном море или в Неве
я завтра лягу на дно,

не так уж важно. Важней всего,
что больше уже ни кто
дразнить не станет пса моего
и только речной тритон

скользнет по стеклу голубых зеркал,
забравшись через отсек.
Его, конечно, ни кто не звал,
но он же не человек.

27.10.2011

Розовый остров

Мой парус полощется – ветер не может поймать,
а ветер свистит и меняется снова и снова.
И волны, зверея, мой бот опрокинуть готовы
иль бросить на скалы, и в клочья весь парус порвать.

Тепло ль тебе, девица, в этих студеных краях,
где кромкою льда режут правду бесстыдно и остро?
Того, кто покинул свой берег, пусть Розовый Остров
не кровью багрится, а маками. Дальний маяк

погаснет за линией синей, где солнце садится,
но будет пульсировать в памяти прошлой судьбы.
И снова в каком-то селенье шагнет из избы
одна из немногих, но та, что не хочет мириться

с устоями патриархальной архаики, чтоб
не скиснуть в болоте, а ярко сгореть на просторе
и будет шуметь свою буйную музыку море,
и ляжет судьба ей упрямой морщинкой на лоб.

Своя колея от рожденья, по жизни и до,
до места, где нам на груди сложат руки и просто
закроют глаза, чтобы снился тот Розовый Остров
в краю, где уже никогда не осудит никто.

14.03.2012

Сизокрыла

Мне сказали на пристани в баре,
угощая мадерой с кагором,
что баркас мой скрипучий и старый,
но я здешним рыбачкам дам фору.

Как причалив, метнула швартовый —
стало ясно, что я до пассата.
И не брезгуя с шлюхой портовой
проболтала весь день до заката.

Ведь белее не стать, хоть замойся,
ты ж, как есть, своей масти не скрыла.
Ничего в нашем море не бойся,
только бойся любви Сизокрылой.

Как дошла я из бара к баркасу,
как упала в гамак — я не помню.
Било в ратуше за полночь, к часу.
В голове отзывались те звоны.

И накрыла меня Сизокрыла,
ворковала, да сон навевала.
В синем море постель расстелила
и любила, пока не светало.

Неба звездного вышитый полог
надо мной замирал и качался...
Я лежала среди моря гола.
Сизокрыла вела левым галсом.

вольный ветер звенел,
кто на пристани пел,
не слышать среди волн,
парус мой ветра полн.
Пусть на скалы несет,
пусть никто не спасет.

Все, что в жизни моей долгой было,
все с собой унесла Сизокрыла
в ошалелом, любовном угаре.
И плевать, что сказали мне в баре.

02.08.2012

Семечки

Там, где море шумит, бурно пенятся волны,
у тебя за плетнем созревает подсолнух.
Время семечки жарить, и с набитым карманом
выходить на закате и гулять у лимана,

и плевать на песок шелуху, и смеяться,
и браниться, и снова в любви объясняться.
За песчаной косой, да за каменным молом
будет море шуметь, бурно пениться волны.

А зарядят дожди, да завоюют метели —
мы заляжем вдвоем на широкой постели.
Пусть свистит себе ветер сквозь оконную щелку.
Будем книжки читать, петь да семечки щелкать.

08.11.2012

Зимовье

Как нам выжить в морозную зиму? —
Обниматься и крепче любить.
Как слепые котята в корзине
греть друг друга. И тянется нить

долгой жизни, где мы прозревали,
разбивая иллюзию сна,
где пытались понять и едва ли
понимали значение. Знак

был не знаменем, только намеком
на иные вдали берега.
Кто то нас там всевидящем оком
просканировал. Чьи-то рога

приподняли, чтоб мы не упали,
кувыркаясь на их острие,
чтобы помнили и осознали:
мы случайны на этой Земле.

Лунный блин сверху пристально глянет:
не померзнут ли всходы к весне?
На моей земляничной поляне
плотным слоем лежит белый снег.

26.01.2017

Спасение

Когда твой корабль тонет,
а капитан сбежал
на том, единственном шлюпе,
в котором бы всем спастись.

И в приступе злых агоний,
почти возле самых скал,
тот кто тебя не любит,
кто не сумел простить,

достанет нож и разрежет,
на ленты парус порвет,
последний раз обругает,
привяжет к обломку доски,

чтоб женщина та, которую
ты у него увел,
дома тебя ожидая,
не умерла с тоски.

18.11.2012

Побег

Заныли стропы, как струны,
взметнулся портовый кран.
По глади дороги лунной
Бегущая по Волнам

скользила в нейтральные воды
от пьяной и злой матросни.
Я пью за ее свободу.
А нука, гарсон, плесни!

Беги, Фрези Грант, не слушай
сирены истошный вой!
Не по твою ли душу
мчит катер сторожевой?

Укутавшись в звездной шали,
танцуешь ты на бегу.
Прожекторы в море шарят
и небо краны скребут.

А ветер затих и будто
к нам ангел сошел с небес.
Вдруг развернулся круто,
летевший на перерез,

и даже почти догнавший
катер сторожевой.

А дальше уже не наши,
а дальше чужой конвой.

Как музыка рапорт старлея:
«Отбой, нарушитель ушел!»
Пока я не протрезвею,
пусть кончится все хорошо.

17.12.2012

Реликвия

Мальчик сквозь дырочку в камушке смотрит на небо.
Хочет там что-то увидеть, а может уже
видит, как мир, наклоняясь на крутом вираже,
в новую эру несется. Когда бы и где бы

мы не стояли сейчас, все равно невозможно
время обратно вернуть на исходную точку.
Капает тихо вода – новый камушек точит.
Кто-то его подберет, оботрет осторожно,

чтобы сквозь дырочку в камушке песни свистеть,
чтобы сквозь дырочку в камушке в небо смотреть.
Мало ли камушков с дырочкой на берегу?
Я такой камушек тоже давно берегу.
С самого детства он в старой шкатулке лежит,
душу мою от бездушья и лжи сторожит.

23.12.2013

Vita sensus

Банально искать смысл жизни в масштабах глобальных.
Опасно себя представлять в центре целого мира.
Гораздо важней, чтоб звеня, не фальшивила лира,
а то, что не все ее слышат, так это нормально.

Нормально, когда ты живешь от сегодня до завтра,
в трудах и заботах с надеждой на отдых в конце.
Сама своим дням постановщик, художник и автор
ведешь многолетний и ежесекундный концерт.

Жить ради веселого, легкого детского смеха
уже не напрасное предназначенье твоё.
А если представить, как смотрится жизнь наша сверху —
мы все муравьи, среди прочих других муравьев.

19.01.2017

Погружение

Нам бы только куда по-дальше
в море, за море и под лед.
Где ни звука, ни слова фальши.
Кто не скажет, тот не совет.

Где ни Азии, ни Европы,
ни Америки – все одно.
Всплыть на уровне перископа,
оглядеться и лечь на дно.

Чтоб в глухой тишине глубинной,
рыбным пением наслаждаясь,
оценить синеву картины,
глубину и взаимосвязь.

Раны рваной души заштопать,
погрустить о земле родной.
Всплыть на уровне перископа,
оглядеться и вновь на дно.

Надо было родиться стервой,
улыбаться и врать в лицо —
профанация чистой веры,
коронация подлецов.

Мы с тобой из другого теста,
нас таких уже нет давно.
В этом мире таким не место.
Убедилась? – Пошли на дно.

21.12.2013

Блуждающий фрегат

В нашем городе на берегу той реки,
что впадает в залив, из которого в море
уходит последний корвет,
ты живешь и не знаешь,
что снишься тому,
кто в десятом рожденье
мечтает увидеть тебя наяву
уже тысячи лет.
Ты живешь, проживаешь,
танцуешь не с тем
и влюбляешься, думая: «Вот он!» – а это не он.
И вся жизнь твоя будто навязчивый сон,
а во сне, в закоулках Шанхая притон,
где ростовский бандит пьет и бредит о том,
как на Северо-западе, скованный льдом,
не дошел до желанного порта фрегат из Кале.
И замерзшие снасти от ветра звенят
и ломаются, будто хрустальные палочки
хрупкой фантазии счастья.
В нашем городе, на берегу,
быть рожденною мне суждено.
Но из нашего города залпом единым,
прицельным огнем, безнадежна,
разбитая вдребезги вера вернуться обратно
мне, и всем, кого тысячи лет

ждут и плача, других обнимают.

И это судьба:

ждать, любить кое-как, невпопад
всех, кто в городе нашем родившись,
остался, на что-то надеясь.

Наверно на то, что во сне им удастся
еще раз увидеть в далеком тумане,
как блуждает фрегат из Кале,
будто канатоходец
по тонюсенькой линии
призрачного горизонта.

10.04.2014

Провал

Когда сугробы стекались в грязь
и в воздухе пахло весной
радистка Кэт не вышла на связь
в условленный день со мной.

И что тут думать, о чем гадать
на все углы помолясь
изменой пахнет ни дать, ни взять
Она не вышла на связь!

И кто разведчик, а кто шпион,
а кто был двойной агент...
В дурдоме нашем Наполеон
спалился, интеллигент.

Он списком единым всех сдавал,
за пряник и за компот.
Сигнал из Центра не поступал
и мы заткнуть ему рот,

не смели сами, мы ждали приказ,
сдувая с рации пыль.
Радистка Кэт не вышла на связь
пора разбирать костыль,

и строить бомбу из костыля,
но знать бы кого бомбить,
из-за какого угла стрелять,
иль ампулу грызть и пить.

Я матом крою стирая о платье
с резьбы солидол и мазь,
и все потому, что какая-то Катька
вчера не вышла на связь.

31.10.2011

Русалка

Волочился кнут
по сырой земле,
а я гну-погну
уже триста лет

беспросветную свою линию.
Паутиною или инеем
мир украсило, занавесило.
Отчего же всем так не весело?

А в чумной избе служит мессу поп
по покойникам – не воскресли чтоб.
Не воскресли чтоб, не мешали жить,
и по честному меж собой делить

зачумленное
их тряпье и кладь,
что никчемное,
что пропить-продать.

Что ты здесь забыл,
добрый молодец?
Чуял конь кобыл,
да на холодец

свежевали мы его милую,
убиенную в поле вилами.

Ты пришпорь коня,
ты гони отсель!
Не в церквях звонят —
то болот капель.

Здесь дурман-трава в поле стелется.
У ставка, в заброшенной мельнице,

я живу зеленой кикиморой,
претворяясь ночью красавицей.
Под луной, одетая в тину я,
как невеста. Кто не обманется?

Вот и ты попал,
не сумел уйти.
На свой смертный бал
мотылек летит.

Распряги коня,
позабудь жену,
обними меня
и пойдем ко дну.

12.07.2013

Под вино

Роза в бренди

Алела роза в бокале с бренди.
Ты не пила, ты молча пела
о том, как страстно ты хотела
обнять, любить душой и телом.

Я по глазам твоим читала...
В дыму кальяна не укрыться.
Твои мечты – шальные птицы.
Качает лодку у причала

вечерний бриз и твой каприз
готовы многие исполнить.
Ах, эти волны, эти волны
вздывают вверх, свергают вниз.

А роза тихо увядала
в твоих руках, в бокале с бренди.
О чем душа поет и бредит,
когда она на дне бокала?

Когда уже смертельна доза

и мир куда-то уплывает...
Нам хорошо, мы не узнаем,
как умирала в бренди роза.

22.05.2012

Змея

Пепел падал в рюмку вина
и была я слишком пьяна,
чтобы ласку рук отвести.
Не надейся, что ты достиг

своей цели, я же змея —
извернусь и рюмки края
по рукам, и пальцы в крови,
а ты зря меня, не лови.

Не морочь меня, не морочь,
на двоих у нас только ночь.
Только ночь и та во хмелю,
что гадать: люблю, не люблю.

Если не поймать – что ловить?
Кол осиновый в сердце вбить,
чтобы я не смела летать,
если не жена и не мать.

Если я никак не твоя,
значит точно ведьма, змея.
Извела, украла покой
даже рядом, а не с тобой.

06.08.2012

Шляпа

Курила, курила, курила до самого фильтра.
Я выйду сейчас, только слезы со щек своих вытру.

Я выйду с улыбкою, нет лучше так вот, со смехом,
с веселою глупою шуткою всем на потеху.

Вина закажу и напьюсь от такого веселья.
Гулять, так гулять! Это завтра наступит похмелье.

Но я уже буду в вагоне трястись вспоминая,
о том, о чем больше никто никогда не узнает.

Никто не узнает про слабость мою и досаду,
про слезы не скажет никто: «Так ей, дуре, и надо!»

Никто не узнает, что ты мне тогда говорила,
пока я курила, курила, курила, курила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.